

История

Арсений Замостьянов

ГЕРОИ 1814-ГО...

200-летие победного 1814-го, увы, проходит тускло. Неужели позабыто героическое поколение Милорадовича и Ермолова?.. Постараемся напомнить вам о них, а начнём с Алексея Петровича Ермолова.

200 лет назад Россия была страной-победительницей, с этой реальностью приходилось считаться и англичанам, и французам, и австрийцам...

Наследие генерала Ермолова в последние 25 лет стало актуальнее: как только забурлил и загорелся Кавказ — мы частенько вспоминаем его, кто с ностальгией, кто со страхом. И уже не разобравшись, где — историческая правда, где — фольклор, хотя Алексей Петрович Ермолов был блистательным (и столь же своенравным!) мемуаристом, в этом смысле — безусловно, первым из полководцев 1812 года. Но он и по другим качествам не уступал никому.

Боевым крещением стал для него поход 1794 года. Армия Суворова тогда ускорила крах польской государственности, показав несравненный пример наступательной войны. Кульминацией кампании стал кровопролитный штурм Праги —

укреплённого варшавского предместья. Русская армия уничтожила вооружённого противника, но, по строгому приказу Суворова, избегала расправы над теми, кто разоружился...

Русский генерал-аншеф (маршальский жезл Суворов получит как раз за взятие Варшавы) видел, что, если бой перекинется из Праги в польскую столицу, трудно будет избежать многочисленных жертв среди мирных обывателей. И приказал сжечь мост через Вислу, ограничив поле боя крепостью и предместьем. И расчёт Суворова оправдался: после падения Праги Варшава сдалась без боя. Ермолов при взятии Праги командовал артиллерийской батареей. Капитан Ермолов в огненной лаве не дрогнул.

Прицельными залпами ему удалось сбить польскую батарею, расположенную на варшавском берегу Вислы. Молодой офицер разобрался в ситуации, как будто двадцать лет провёл в сражениях. Он живо заставил замолчать вражескую артиллерию... В бою он мыслил быстро, точно и умело управлял солдатами. Суворов высоко оценил этот подвиг. За «усердную службу и отличное мужество» в том бою Ермолов получил Георгия четвёртой степени — из рук Суворова. Через полвека увенчанный многими наградами седой генерал будет носить единственный орден — «суворовский». И все склоняли головы перед этим крестом.

Артиллерия постепенно становилась крепкой опорой русских побед. Ермолов участвовал в Персидском походе Валериана Зубова, получил там чин подполковника, но и заработал опалу... Новый император Павел расправлялся с «зубовцами», а Ермолова ещё и подозревали в заговоре офицеров против прусской системы, которую не принял Суворов. Пришлось будущему генералу и в застенках побывать, и в ссылке — вместе с атаманом Платовым. Каково им было получать известия о новых победах Суворова в Италии и Швейцарии! При Александре I опальных офицеров вернули в армию. Ссылка не укротила ершистый характер Ермолова. Известен его колкий ответ Аракчееву, кото-

рый, измучив придирками артиллеристов, выразил удовлетворение содержанием лошадей: «Жаль, ваше сиятельство, что репутация офицера часто зависит от скотов». Аракчеев долго стоял на пути Ермолова, но в конце концов искренне зауважал Алексея Петровича. «Когда вас произведут в фельдмаршалы, не откажитесь принять меня в начальники штаба!» — скажет он генералу, которого долго «мариновал» в подполковниках. Словом, два артиллериста поняли друг друга — жаль, что поздно.

Чины Ермолов добывал только в боях. Под Аустерлицем стал полковником, после Прейсиш-Эйлау, когда и русские, и французы показали предел стойкости, — генерал-майором.

Летом 1812 г. он служит начальником штаба армии Барклая, которого считал чуть ли не предателем. К службе с этим осторожным генералом Ермолов относился с отвращением. В летних сражениях проявил себя крепким организатором обороны, а высокий чин генерал-лейтенанта говорил о доверии императора. На Бородинском поле находился при Кутузове, а после ранения Багратиона принял командование на левом фланге. Только Ермолов мог преодолеть смятение войск в такой час! Смелой контратакой он отбивает у французов центральную батарею Раевского. Покачивался от контузии, но оружия не сложил. В

Филих Ермолов решительно высказался против оставления Москвы. Бить врага по-суворовски, без ретирад — таково было кредо Ермолова.

Но вот русские войска перешли через Неман, война катилась на Запад, за Наполеоном, спешно собиравшим новые армии. Ермолов был назначен на подобающую его талантам должность командующего артиллерией союзных армий. И удержал высокое положение после смерти Кутузова, когда русских полководцев «зажимали».

В генеральных сражениях под Бауценом и Кульмом Ермолов командовал войсковыми соединениями. В первый из критических моментов сражения при Кульме Ермолов бросил семёновцев в помощь лейбегерям генерала Бистрома, которого теснили французы. Семёновцы в тот день показали чудеса отваги: 900 гвардейцев осталось на поле боя. Генерал Остерман-Толстой в том сражении был тяжело ранен — и Ермолов принял на себя общее командование.

Во дни битвы за Париж Ермолов получил от императора почётный приказ: атаковать вместе с гвардией высоту Бельвиль. Решительные действия Ермолова в тот день вынудили французов капитулировать. А как говорила в парижских предместьях русская артиллерия! Александр Первый отдал должное заслугам Ермолова, за Париж он получил

Георгия 2-й степени. И Манифест о взятии вражеской столицы император доверил писать именно ему — самому заслуженному и просвещённому из генералов.

В 1814 году с гвардейским корпусом вошёл в Париж. Популярность в армии и слава Ермолова в обществе росли как на дрожжах. Разве можно было не восхищаться его молниеносным ответом государю на его вопрос: «Какой награды вы бы хотели?» — «Государь, произведите меня в немцы!» Больной вопрос для тогдашней армии, да и для всей российской элиты — за силье иностранцев, круговая порука взаимной поддержки «фонов» на русской службе. Среди немцев в армии было немало доблестных офицеров, но русские офицеры ценили бесстрашную иронию Ермолова, который перед самим императором не побоялся афористически показать истинное отношение патриотов к немецкому верховенству.

В 1816-м году Ермолов становится, по существу, правителем кавказского края — с широкими военными и дипломатическими полномочиями. Ермолов первым отнёсся к покорению Кавказа системно: действовал последовательно, наш за шагом.

Первым делом Ермолов постарался прекратить практику задабривания горских ханов, которым платили жалованье за лояльность. Ермолов собирался действовать же-

лезом, а не золотом. «Снисхождение в глазах азиатов — знак слабости, и я прямо из человеколюбия бываю строг неумолимо. Одна казнь сохранит сотни русских от гибели и тысячи мусульман от измены» — слова Ермолова. От всех племён он требовал безусловного повиновения. Для мирных становился справедливым и щедрым руководителем, для непокорных — грозой.

Чеченцы в те годы регулярно совершали набеги на русские поселения. Ермолов оттеснил их и заложил на Сунже крепость Грозную, тогда же он начал грандиозную «рубку леса», пролагая дороги от станции к станции. В 1818-м началось восстание в Дагестане — и тут уж Ермолов не терял времени. Уничтожал ханство за ханством, а после победной битвы под Лавашами окончательно подчинил империи Северный Дагестан.

Да, в схватках с горцами Ермолов нередко применял жёсткие методы. Не скроем, доводилось ему и брать заложников. Таким образом он боролся с распространённым у горских шаек «бизнесом»: они захватывали русских, производивших впечатление знатных и богатых — и требовали выкуп. Ермолов понимал: расплатишься — покажешь слабость, и предпочитал брать заложников — аманатов, из числа местной знати. Во всех сражениях бок о бок с русскими войсками сражались и горцы, верные

Ермолову: он понимал, что без союзников победы не добудешь. Кавказцам нравилось, что Ермолов окружал себя восточными аксессуарами и даже сожительствовал с местными красавицами. Даже их отцам посылал богатые подарки, проявляя уважение к мусульманским обычаям. Подобно Милорадовичу и Скобелеву, воин оставался холостяком — по крайней мере, в глазах православного духовенства. Но его сыновья от горянок верой и правдой служили русской короне.

Добрую память оставил о себе Ермолов в Тифлисе: он украшал город со столичным размахом, способствовал развитию торговли и промышленности. Покровительствовал виноделам и музыкантам.

Не всем по душе имперская политика России. Нередки вопросы: а кому было выгодно покорение Кавказа? Императоры и полководцы служили собственным амбициям, а нужна ли империя русскому народу? Несомненно, Россия покровительствовала христианским народам Кавказа — в первую очередь, грузинам и армянам. Но, конечно, этот мотив был не единственным смыслом экспансии. Ермолов — убеждённый империалист. Он помнил: сравнительно недавно Россия страдала от набегов крымских татар и горцев. Ещё недавно приходилось побаиваться шведов и поляков. Ослабишь вожжи — и найдётся иноземная армия, готовая навязать

тебе свою волю. Расширение пределов империи — не напрасная трата сил, а гарантия безопасности. Только нужно действовать осмотрительно — и Ермолов в этом смысле был образцовым стратегом. В горы он продвигался медленно и неуклонно, от сражений не уклонялся, но не допускал авантюры. Известен принцип генерала: «Я медленно спешу».

Горцы — вплоть до имама Шамиля — относились к Ермолову почтительно. Даже непримиримые враги! С Шамилем они встретились стариками: два воина, умевших держать в подчинении мятежный Кавказ. Имам, прекративший борьбу, пожелает встретиться с отставным генералом Ермоловым...

В результате Кавказ стал российским. «Даданиурт, Андреевская, окружённая лесом. Там на базаре, прежде Ермолова выводили на продажу захваченных людей, — ныне самих продавцов вешают», — примечал Грибоедов, служивший на Кавказе. Да, именно Ермолов, не оставлявший безнаказанным ни одно нападение, прекратил работорговлю.

Ермолов считал Кавказ ареной борьбы великих держав: он предрекал, что вот-вот за спиной османов и персов могут оказаться английские хозяева, которые и мятежных горцев могли бы укрепить.

Любимец императора Александра Ермолов вызывал ревность и

раздражение государя-преемника Николая Павловича. Имя Ермолова склонялось в связи с декабристами, находились поводы и для критики кавказской политики генерала, да и может ли не быть таких поводов на загадочной горской войне? Какие только слухи о нём не распространяли — вплоть до сепаратистских планов. В 1826 году в пределы России — в Карабах и в Грузию — вторглись персидские войска Аббас-мирзы. Ожидалось, что встрепенутся и недобитые недруги из покорённых народов. Вот тут-то и пригодился бы опыт Ермолова, его железная рука.

Но... для Николая I новая война стала окончательным поводом сменить Ермолова на Паскевича. Через год пятидесятилетний популярнейший генерал вышел в отставку после 33 лет службы. Прошло десять лет, и отставной герой получил почётный чин генерала от артиллерии. Он тихо жил то в Москве, то в Орле, перечитывал свои мемуарные записки, изредка выезжал в войска. Во время Крымской войны московское дворянство избрало старика Ермолова руководителем ополчения. Алексей Петрович отказался по старости: как-никак, ему было под восемьдесят, по тем временам — возраст Мафусаилов. Второй подобный должность в списках славных русских полководцев XVIII–XIX вв не значится...

ИСТОРИЯ

Многим из нас Ермолов памятен по Пушкинской строке: «Смирись, кавказ: идёт Ермолов!». Нужно осознать, что это не дежурная похвала поэта полководцу: столичное общественное мнение уже испытывало влияние французских и английских газет, кричавших о зверствах русских на Кавказе.

П.А. Вяземский эмоционально критиковал Пушкина — и в письме А. Тургеневу и, надо думать, в доверительных разговорах: «Что за герои Котляревский, Ермолов? Что тут хорошего? Что он, как чёрная зараза, губил, ничтожил племена? От такой славы кровь стынет в жилах и волосы дыбом становятся. Если бы мы просвещали племена, то было бы, что воспеть. Поэзия — не союзница палачей...». Вяземский в те годы щеголял вольнодумством в либеральном духе: интересы государства ставил ниже личных свобод. Под старость князь Вяземский запоёт другие песни, превратится в консерватора...

А Пушкина Ермолов интересовал чрезвычайно. Они встречались, Пушкин намеревался писать историю генерала, но оставил нам всего лишь краткое описание: «С первого взгляда я не нашёл в нём ни малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем. Лицо круглое, огненные, серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на Геркулесовом торсе. Улыбка неприятная, потому что не

естественна. Когда же он задумывается и хмурится, то он становится прекрасен и разительно напоминает поэтический портрет, писанный Довом» — таким увидел старика Ермолова Пушкин.

Мудро рассуждал о Ермолове Н.С. Лесков: «Ермолов поистине характернейший представитель весьма замечательного и нескучно распространённого нас типа умных, сильных, даровитых и ревностных, но по некоторым чертам «неудобных русских людей». Славу его протрубили не пристрастные газеты, не реляции, которые пишутся в главных квартирах и возвещают то, что желательнее оповестить главной квартире, — славу его пронесли во всю Русь на своих костылях и деревяшках герои-калеки, ходившие с Алексеем Петровичем и в огонь и в воду, и после, за мирным плетением лычных лаптей, повешавшие «чёрному люду», как «с Ермоловым было и умирать красно».

Орловский дворянин, негибачей артиллерист, первая сабля империи... Для тех, кто пытался его понять, Ермолов оставался сфинксом, врагам нёс гибель, для друзей оставался верной опорой. Побеждал всегда и везде. Не на улице подобрали Россия статус великой державы: каждый шаг на этом пути требовал героизма. Нет, не обойтись державе без Ермоловых. И ермоловский характер — верим — ещё проявится в потомках непобедимого генерала.